

Юлия Сергеевна Краснова

Белое сердце

Исторический роман

Юлия Сергеевна Краснова
Белое сердце.
Исторический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43201575

ISBN 9785005010742

Аннотация

Роман о любви двух потерявшихся душ во время Революции. Красавица-дворянка Кристина Зорич и блестящий белый офицер Сергей Леонидович в гуще Первого и Второго походов, в ходе борьбы за судьбы страны. Пройдет ли их любовь все испытания или они расстанутся навсегда?

Содержание

Белое сердце	5
Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Белое сердце

Исторический роман

Юлия Сергеевна Краснова

© Юлия Сергеевна Краснова, 2019

ISBN 978-5-0050-1074-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белое сердце

*Место действия: Санкт – Петербург, июль
1917 г.*

Глава 1

– Кристина! Кристина!

– Иду, маменька!

Я сбежала вниз по лестнице, где моя матушка отдавала последние распоряжения. Она была взволнованна и кричала на нерасторопных, по ее мнению, слуг.

– Здесь не дрова, а фарфор, тупица! – всплеснула руками Александра Гавриловна, маменька Кристины. Затем она повернулась к дочери.

– Ступай к экипажу, побудь там с братьями. Не хочу потерять тебя в этой суматохе.

– Хорошо, маменька.

Я отправилась на улицу, где уже стоял наемный экипаж и повозка с самыми ценными вещами. Матушка была уверена, что мы сюда больше не вернемся, и хотела забрать с собой как можно больше вещей.

У повозки распоряжался мой старший брат Георгий. Он всегда такой – очень любит командовать и наводить порядки. Но глупого геройства в нем нет, поэтому когда солдаты убили двух его знакомых офицеров, он ушел в отставку (попросту сбежал).

Хотя ему уже сорок один год, Георг так и не женился. Когда я как-то сказала брату, что ему пора завести детей, он заявил, что завел их уже предостаточно, и вообще он не со-

бирается вешать себе на шею хомут в виде жены.

Я его совсем не понимаю. Я бы очень хотела стать женой моего любимого, да только это невозможно...

Моему среднему брату Кириллу двадцать восемь лет. Он уже был женат, в отличии от Георга, но его жена умерла родами, оставив ему сына Арсения.

Сейчас Кирилл снова обручен на дочери маменькиной давней знакомой, и в Париже будет их свадьба (невеста брата тоже эмигрировала во Францию).

А я... я – самая младшая в семье, но не самая избалованная, к счастью.

Мне уже семнадцать лет, и я считаюсь признанной красавицей. Наверное, дело в том, что белокурые девушки никогда не выйдут из моды.

Мне посвящали глупые стихи, в которых сравнивали мои волосы с луной, а глаза – с расплавленным железом. После этого я долго смотрела в зеркало и пыталась понять, неужели мои глаза действительно такого цвета. Ну конечно же нет.

Сама я предпочитаю считать их темно-серыми.

Кирилл считает меня легкомысленной, но это совсем не так. Он совсем ничего не знает о том, что я уже вот почти как восемь месяцев страстно люблю одного человека...

Этого секрета я не рассказывала никому, даже лучшей подруге. Я уверена, что меня стали бы осуждать, ведь он женат и намного старше меня.

Но мой любимый всегда был честен со мной и не скрывал

от меня своего семейного положения.

Мы познакомились случайно, на улице, в январе одна тысяча девятьсот семнадцатого года. Мне было шестнадцать лет. Матушка тогда тяжело болела, и меня на время отпустили из Смольного. Я сидела у ее кровати и молилась, чтобы маменька выздоровела.

Запах лекарств сводил меня с ума, и я решила прогуляться.

Я думала о том, почему Господь поступил так несправедливо, отняв у Кирилла его Лизу. Я видела, как они любили друг друга и с радостью ожидали ребенка. Но милая и улыбочивая Лиза умерла от послеродовой горячки, оставив после себя сына.

После этого я не спала несколько ночей и думала о том, что было бы, если бы на ее месте оказалась бы я. Молодая, красивая, любимая... и в гробу.

На прогулке я предавалась тем же самым мрачным мыслям, не зная совершенно, что встречу свою судьбу.

Он поднял мою случайно оброненную перчатку, а потом мы просто не смогли расстаться и разговаривали всю ночь, благо в Смольном думали, что я у себя дома, а дома – наоборот. Мы обсуждали все подряд, и я много рассказывала о своей семье и о себе.

Например, о том, что я слишком чувствительная. Я принимаю все слишком близко к сердцу. Особенно, чужую беду или несправедливость.

Дома я часто сдерживала свою маменьку. Она может без причины накричать или даже ударить слугу. А я всегда старалась сдержать ее порывы.

Я носила еду бродяжкам и подкармливала бродячих животных.

Когда я сказала матушке, чтобы хочу стать военной медсестрой, она отхлестала меня веником и приказала больше никогда об этом не заикаться.

Сейчас я выросла и, как мне кажется, изменилась. Правда, маменька до сих пор говорит, что хозяйка дома из меня не получится – я распушу всех слуг и буду делать все сама.

Сегодня девятое июля – день нашего отъезда из Петербурга. Кораблем мы планируем добраться до Парижа, где и должны поселиться.

В городе сейчас беспокойно. Кое-где даже валяются снаряды. Совсем недавно было большое выступление рабочих, матросов и солдат. Я смотрела из окна, как они огромной толпой шли по улице.

А потом откуда-то по ним стали стрелять и несколько человек упали. Остальные же тоже открыли огонь. Я отпрыгнула от окна и упала на пол. Как оказалось, вовремя. Пуля разбила окно, и вниз полетели кусочки стекла. Мне очень повезло, что я не поранилась.

После этого события терпение маменьки лопнуло, и она заявила: « Все. Мы уезжаем».

Я очень боялась этого момента с самой Февральской ре-

волюции. Маменька не уезжала только потому, что верила в князя Львова – главу Временного правительства. Еще моя бабушка Августа Александровна приятельствовала с отцом Львова.

Но теперь было ясно, что даже князю не под силу усмирить революцию.

Маменька опасалась за нас, поэтому решила уехать в мирную Францию, куда уже уехали многие наши родственники.

В апреле матушка получила письмо из Парижа от своей кузины Елизаветы Александровны Шереметевой, где та сообщила, что ее дочь Екатерина сбежала в ночь перед отъездом. Никто не знал, где она сейчас. Маменька спрашивала меня, ведь мы с Катей общались, но я ничего не знала о ее планах.

Весь сегодняшний день маменька не упускала меня из виду, будто боясь, что я поступлю как сестра.

Неужели она догадывалась?

Итак, сегодня был день моего выбора. Выбора между семьей и любовью. Смогу ли я?

Я беззаботно улыбнулась Кириллу и залезла в экипаж. Все должно выглядеть совсем не подозрительно.

Затем я положила на сидение конверт с письмом и выбралась наружу.

– Куда ты? – спросил Георг, даже не поворачивая головы.

– Я забыла свою куклу... Хотела взять с собой, – соврала я первое, что пришло в голову.

– Малышка Тина! – поддразнил меня Кирилл.

– Я уже взрослая! – возмутилась я. – Мне уже семнадцать лет!

– Для нас ты всегда будешь маленькой, Кристина, – объяснил Георг. – Нашей маленькой сестренкой. Хоть в сорок лет.

– Ты к этому времени будешь дряхлым стариком, – парировала я.

– А ты толстой и морщинистой, – не остался в долгу брат. Иногда мне кажется, что он не смог бы жить, если бы ему не над кем было издеваться.

– Хватит! – подвел черту Кирилл. – Тина, иди поторопи маменьку.

Я кивнула и пошла к дому, следя за тем, чтобы не перейти на бег. Ладони вспотели. Мне казалось, что сейчас кто-нибудь из братьев разгадает мой план и вернет обратно.

Тем временем я вошла в дом.

– Маменька!

– Что? – раздался ее голос откуда-то сверху.

– Кирилл зовет Вас.

– Скажи ему, что я спущусь через пять минут.

– Хорошо.

И тут настало время действовать. На цыпочках я побежала через весь дом к задней двери. Хлопнула ею и оказалась на улице с противоположной стороны.

Я сбежала из дома.

Со всех ног я припустила бежать подальше от своего дома.

Меня наверняка будут искать, и спрятаться следовало хорошо.

Мне было совестно и очень жалко маменьку. Для нее это будет страшным ударом, ведь я ее самый младший и горячо любимый ребенок.

Моя маменька Александра Гавриловна, была замужем два раза. Первый брак оказался коротким, и от него у меня появился брат Георгий Сергеевич Головин.

Вторично маменька вышла замуж без согласия родителей, просто сбежав из дома с моим папенькой. Маменька его очень любила, и это чувство, как мне кажется, не угасло до сих пор.

Маменька рассказывала, что у нее родилось два мертвых ребенка и было около семи выкидышей, пока не родился Кирилл через одиннадцать лет брака.

Прошло еще десять лет, прежде чем маменька поняла, что снова в положении. Они с папенькой были счастливы и считали это чудом, но одна старуха сказала маменьке, что теперь у нее заберут одного очень дорого человека за этого «младенчика».

Мои родители никогда не были суеверными, и лишь рассмеялись.

Я родилась двадцать второго октября одна тысяча восемьсот девяносто девятого года, здоровенькая и хорошенькая.

Папенька захотел, чтобы меня назвали Кристиной. И это было последнее, что он успел сделать на земле. Мой дорогой

папенька скончался второго ноября того же года...

Наверное поэтому я верю во все таинственное и мистическое, ведь та старуха оказалась права.

Я могу с закрытыми глазами представить, как выглядел папенька. На столике в моей комнате всегда стоял его портрет.

К сожалению, я совсем на него непохожа. Я хрупкая, невысокая блондинка с большими глазами, и очень напоминаю маменьку в юности.

Итак, вытирая наворачивающиеся слезы, я уходила все дальше и дальше от дома. Но открыто ходить по городу было глупо. Мне нужно было спрятаться где-нибудь хотя бы до вечера.

С правой стороны я увидела неприметную булочную.

Внутри была длинная очередь из низших слоев общества. Повернувшиеся люди все как один посмотрели на меня как-то неодобрительно. Надо было мне одеться поскромнее, если даже мое скромное дорожное платье вызывает зависть.

Окинув людей быстрым взглядом, я решительно направилась к хозяину, стоящему за прилавком.

– Мне нужно пересидеть у вас до ночи. Вот плата, – я положила на стойку пачку ассигнаций.

Кто-то в очереди присвистнул, какая-то женщина возмущенно крикнула:

– Зажрались, буржуи!

– Такие деньжищи!

– Да перебить их всех, дворян этих!

Я совсем не ожидала, что такие небольшие деньги вызовут у людей бурю отрицательных эмоций. Я всегда относилась к деньгам легко.

Тут хозяин шикнул на людей и сказал мне:

– Ну идемте, барышня.

За помещением булочной был коридор и лестница на второй этаж, где и находились жилые комнаты хозяина и его семьи.

Проводив меня в одну из комнат, он сказал:

– Вот здесь и побудьте.

– Благодарю, – слегка кивнула я.

Булочник постоял немного, а затем пошел к двери, но на полпути остановился и сказал:

– Что же вы не уезжаете то, барышня? В Петербурге сейчас опасно.

– Я уеду, как получу письмо. Мой жених, – мне пришлось соврать, – офицер на Юго-Западном фронте. Я жду от него письма.

– И долго ждать?

– Не знаю. Письма приходят не быстро.

Булочник покачал головой.

– Уезжайте скорее, не ждите. Мой сын... одним словом... большевик, – ему как будто было неловко за отпрыска. – Он говорит, скоро будет новая революция, и Советы получают всю власть.

– А как же Коалиционное правительство? Керенский?

– Скоро им всем конец, – подвел радостный итог хозяин булочной.

Я промолчала. Раньше я не думала, что ситуация может быть настолько серьезной.

– Что же будет со мной, если я останусь? – задала я пугающий вопрос. Одна, без помощи...

– Вы правда хотите это знать? – с сомнением спросил булочник.

– Да, – решительно кивнула я.

– Ограбят, изнасилуют или убьют, – на одном дыхании сказал мужчина. – А может быть и все вместе.

На глаза стали наворачиваться слезы.

– Вы очень красивая, барышня. Как пасхальный ангелочек. Ваше личико будет привлекать слишком много мужского внимания.

– Сажай намажусь, – сказала я сквозь слезы.

Булочник засмеялся, а я – вслед за ним. На душе сразу стало легче.

Весь день я провела в этой комнате, валяясь на кровати. Я все думала, как мне теперь лучше поступить.

За день до отъезда, то есть вчера, я отправила моему любимому письмо, в котором просила разрешения приехать к нему на Юго-Западный фронт. На самом деле, я понятия не имела не только где его штаб, но и где сам этот фронт.

До разговора с булочником я думала, что преспокойно до-

ждусть письма с точным маршрутом.

Но теперь я думала, насколько опасно оставаться в столице. Но не опаснее ли одной пробираться к штабу?

Вечером я пришла к выводу, что лучше дождусь письма и посмотрю, что ответит мой любимый. Быть может, он сам приедет за мной в Петербург.

Когда стемнело, я решила, что теперь могу пойти домой. Я была уверена, что мои домашние уже уехали.

Булочник дал мне в сопровождение мальчишку с фонарем, но все равно пробираться по темным улицам было страшновато.

Когда я попыталась войти в свой дом, оказалось, что дверь заперта.

О таком я даже не подумала.

Но в доме должны были оставаться слуги, поэтому я принялась громко стучать в дверь.

– Кто там? – раздался голос нашего дворецкого, намеренно более грубый, чем у него был на самом деле.

– Это Кристина Глебовна!

– Защелкали замки, потом тяжелая дверь немного приоткрылась. Дворецкий убедился, что это действительно его хозяйка и впустил меня.

– Кристина Глебовна! Вернулись!

Казалось, что дворецкий сейчас от радости обнимет меня, но, разумеется, этого не произошло.

– Все уехали?

– Искали вас весь день, весь город обошли, но корабль ждать не будет, уехали. Где же вы были, барышня?

Я с трудом отвела глаза и резко ответила:

– Не важно. У меня остались дела. Я поживу дома месяц-другой, а потом уеду.

– В Париж? – ласково спросил дворецкий.

Я кивнула и ушла к себе.

Почти всю ночь я проплакала. Мне было стыдно за вранье, одиноко и горько, и страшно за себя.

Я совсем не выходила на улицу, и дни напролет просиживала дома, лишь изредка залезая с ногами на подоконник и смотря вниз на улицу. Там вроде все было спокойно, но рисковать мне не хотелось.

А письмо все не шло. Я изнывала от нетерпения и просто не знала, чем себя занять.

Я даже пробовала сочинять стихи, но, по-моему, таланта у меня к этому не было.

Я перечитывала немногочисленные письма от моего любимого и гнала от себя мысли, что поступила неправильно, не уехав со всеми в Париж.

Но если бы я оказалась там, то неизбежно меня бы выдали замуж. Маменька сказала мне за пару дней до отъезда: «Ты уже совсем взрослая, Кристина. В Париже будет много молодых людей, один из которых станет твоим мужем. Тот, кого ты выберешь».

Тогда я не сказала ей, что уже выбрала женатого офице-

ра. Просто не смогла сказать такое. Я представляла, как маменька разозлится, и тогда у меня не будет ни единого шанса остаться в Петербурге.

Тогда то я и стала продумывать план побега и даже украла немного денег из сейфа. Они мне еще пригодятся.

Прошло больше полутора месяцев, но долгожданное письмо так и не пришло. Мне надоело ждать.

Тем более в этом заветном письме любимый мог просто отговаривать ехать к нему, или просто приказать сидеть дома.

Я стала думать, кого бы мне взять проводником.

В это время дворецкий с жаром стал пересказывать мне слышанные новости о том, что изменник генерал Корнилин идет на Петербург с армией, чтобы единолично захватить власть.

Я велела старику перестать говорить глупости, потому что не могла представить Корнилина изменником. Наша семья была знакома с ним, и маменька всегда отзывалась о генерале с большим уважением.

Дело закончилось ничем: Корнилин остановил свои войска и даже позволил себя арестовать и заключить в тюрьму.

Подлый Керенский!

Я объявила слугам, что уезжаю. Правда, они – то думали, что в Париж. А мне нужно было непонятно как добраться до Юго-Западного фронта.

Наш дворецкий еще много говорил про мятеж Корнили-

на. Непонятно только, почему его это так заинтересовало.

Я почти перестала слушать дворецкого, проверяя, все ли нужные вещи положила в большой чемодан, когда краем уха услышала:

– И Деникина.

– Что? – резко спросила я, оборачиваясь. – Что вы сказали?

Он растерялся от моего тона и, запинаясь, повторил:

– И Деникина посадили в тюрьму.

Генерал Антон Иванович Деникин был главнокомандующим Юго-Западным фронтом, а мой любимый был начальником его штаба. Поэтому мое волнение было понятно. А вдруг его тоже арестовали?

– Деникина одного арестовали? – набросилась я на дворецкого.

– Как же, со всеми его генералами, – ухмыльнулся слуга.

Итак, мои планы менялись.

– Где они сейчас?

– В Бердичеве, барышня.

Это мне ни о чем не говорило.

– Где находится этот Бердичев?

– Это Украина, Подольская область, – объяснил дворецкий, а потом нахмурился:

– А зачем вам это, барышня? Вы ведь в Париж собрались?

– В Париж, в Париж, – раздраженно отмахнулась я и велела: – Снеси чемодан на улицу!

– Хорошо, Кристина Глебовна.

Я пригладила волосы и надела шляпку с широкими полями. Незачем всем видеть мое лицо. Слегка sprыснулась духами и поспешила вниз.

Дворецкий с моим чемоданом уже стоял на улице.

Скоро появился и свободный извозчик.

– Куда везти? – лениво спросил тот.

– На вокзал. Скорее!

Билет я благополучно купила, но поезд отправлялся только через четыре часа, которые растянулись на куда большее время ожидания. Я сидела на жесткой лавочке и охраняла свой чемодан. Он был настолько тяжелым, что мне даже не хотелось пойти и купить себе что-нибудь перекусить, потому что бы пришлось взять его с собой.

За эти нескончаемые часы ожидания со мной пытались познакомиться офицер и молодой юноша – студент.

С первым я распрощалась очень вежливо, а вот со вторым довольно резко, потому что он не был моего сословия, да и к тому же прервал мои мысли о любимом.

Я надвинула шляпку еще ниже. Не желаю, чтобы ко мне кто-нибудь подходил.

Наконец, часы ожидания закончились и я поспешила на перрон.

Раньше, я никогда не ездила поездом.

Сказать по правде, я никуда не выезжала дальше нашей дачи под Петербургом. Поэтому сегодня моя первая само-

стоятельная поездка.

На перроне оказалось очень много человек. Все что-то говорят, торопятся, суетятся, задевают меня и мой чемодан.

Носильщики клади предлагали свои услуги, но я решила никому не доверять свой чемодан.

Надо будет куда-нибудь перепрятать все деньги.

В купе, кроме меня, была дама с сыном лет семи-восьми, и офицер лет тридцати.

Путь мне предстоял неблизкий – четыре дня, поэтому я решила скоротать время за разговорами.

К сожалению, даму не интересовало ничего, кроме сына. Слишком заботливая маменька не отпускала его от себя ни на шаг.

Это чем-то напомнило мне мои отношения с матушкой...

Зато с офицером мы даже подружились за время путешествия. Звали его Сергей Александрович, и он ехал на службу в Каменец – Подольский из отпуска. Я сообщила ему, что еду дальше – в Бердичев.

– О, Бердичев! Прославился Бердичев дурной славой! – негодуяще воскликнул мой собеседник.

– Вы про генералов, которых в тюрьму посадили? – спросила я с замиранием сердца, ведь я ничего толком не знала.

– Да, про них, – подтвердил Сергей Александрович. – Посадить генералов под замок без состава преступления – это уму непостижимо!

– Расскажите мне все, что знаете, – с жаром попросила я,

чуть не схватив Сергея Александровича за руку.

– У вас в этом деле личный интерес? – догадался он.

– Некоторый, – ответила я неопределенно и улыбнулась.

Сергей Александрович понимающе кивнул и начал рассказывать:

– Как мне говорил мой приятель, в Бердичевскую тюрьму посадили арестованных генералов с Юго-Западного фронта. Над ними проводится следствие.

Он замолчал. Я подождала, быть может, Сергей Александрович прибавит что-нибудь, но, похоже, он сказал все.

Но у меня оставались вопросы, и достаточно много.

– Вы знаете, кого именно арестовали? Когда? На какой срок?

Сергей Александрович оторвался от созерцания пейзажа за окном и сказал:

– Весь высший командный состав Юго-Западного фронта: Деникина, Маркина, Эрдели и прочих... Вам плохо? Что с вами? – Сергей Александрович подался вперед, с тревогой глядявываясь в мое, должно быть изменившееся, лицо.

– Нет, все в порядке, – с усилием ответила я, приходя в себя.

А в голове все продолжала повторяться дорогая мне фамилия...

Теперь я точно знала, что он там. Заперт в мрачной тюрьме. Находится, как преступник, под следствием.

Это было так нечестно по отношению к нему. Кто угодно

другой, но не человек, фанатично преданный службе и армии, о которых он рассказывал с такой горячностью и любовью.

И такой человек – изменник?

За всем стоит Керенский. Трусливый, эгоистичный и самолюбивый. Он так боится потерять свою призрачную власть...

– Я так и знал, что вы расстроитесь, – посетовал офицер. – Поэтому и не хотел рассказывать. Молодые барышни – такие чувствительные...

Больше, как я его ни упрашивала, ничего о Бердичеве мой попутчик так и не рассказал.

За время поездки мы разговаривали обо всем на свете, но на Бердичеве было табу.

Впрочем, Сергей Александрович был прав. Хотя бы во время поездки я не предавалась грустным мыслям, а наоборот, смеялась над забавными историями из жизни попутчика. Он явно старался развлечь меня, и мне это было приятно.

Да и я сама старалась не думать о том, что ждет меня в Бердичеве.

Когда пришло время прощаться, Сергей Александрович неожиданно попросил разрешения писать мне.

– Я не уверена, что вернусь в Петербург, – честно ответила я. – А другого адреса у меня нет.

– Я бы не хотел потерять вас, Кристина Глебовна. Я бы

хотел продолжить общение с вами, – проникновенно просил Сергей Александрович.

Но мое сердце уже было занято, поэтому мне не хотелось обнадеживать моего попутчика. Я чувствовала, что он – хороший человек, и мне не хотелось обидеть его, поэтому я ответила:

– Если на то есть судьба, мы встретимся, Сергей Александрович.

Мой попутчик нахмурился, затем слегка улыбнулся и поцеловал мне руку.

– Я верю в судьбу, Кристина Глебовна. До скорой встречи.

– До встречи, Сергей Александрович.

Без Сергея Александровича стало скучновато, и я забралась на свою верхнюю полку и, отвернувшись к стене, представляла, как пройдет наша первая встреча, как любимый обрадуется моему приезду. Тем более, что это будет сюрприз.

Да, я развею его одиночество, и постараюсь быть с ним каждую минуточку... если позволят, конечно.

Ведь мой любимый не в доме отдыха, а в тюрьме...

Хорошо хотя бы, что с ним Антон Иванович. Я знала, что они – хорошие друзья, а в застенке дружеская поддержка всегда важна.

Почти перед самой остановкой произошел неприятный инцидент. Проверяли документы.

Свесившись с верхней полки, я протянула паспорт и пару

секунд смотрела вниз, чтобы проверяющие могли сравнить мое лицо и фотографию.

Державший мой паспорт ухмыльнулся и сказал двум товарищам:

– Дворяночка. Небось документики то фальшивые, красотка. Пройдите – ка с нами в отделение.

– Документы настоящие, – с приторной улыбкой слаще сиропа сказала я. – И верните их мне.

Наступила пауза. Меня так откровенно рассматривали, что стало не по себе. Наконец один из них протянул мой паспорт. Я осторожно забрала и тут же отдернула руку.

Двое засмеялись, а вот третий зло бросил:

– Кончилось ваше время, буржуи. Скоро все попадете к нам в лапы. Тогда это мы будем смотреть на вас свысока.

Все происходившее в последние месяцы заставляло задуматься. Своим поведением я настраиваю против себя людей. И то, что мне кажется безобидным, у других вызывает злость и агрессию.

Мне нужно что-то менять, если я не хочу себе проблем. А я не хочу!

К тому же, я хочу показать любимому, как я изменилась и повзрослела.

Раньше он называл меня «маленькой».

Я очень злилась, а он еще больше подтрунивал надо мной и смеялся.

Мой любимый вообще идет по жизни со смехом и шутка-

ми. Мне кажется, что нет ситуации, из которой он не найдет выход. Он не теряет присутствия духа и изобретательности, наверное, никогда...

Я совсем не такая. Я трусиха, а в сложных ситуациях теряю голову и начинаю совершать глупости.

Мы – разные... Но может быть поэтому мы полюбили друг друга?

Глава 2

Итак, Бердичев. Впечатление? Никакого.

Небольшой провинциальный город, ничего выдающегося.

И вообще, я приехала не пейзаж рассматривать.

Первым делом я узнала, где можно найти приличную гостиницу. По счастливой случайности, одна располагалась совсем недалеко от тюрьмы, всего в десяти минутах ходьбы. Так я смогу сэкономить на извозчике.

Деньги, взятые мной из дома, стремительно таяли. Чувствую, что довольно скоро мне придется тратиться только на самое необходимое.

Я заселилась в гостиницу. Премилый номер, окна выходят на мостовую и кусочек парка.

Сейчас довольно жарко, и погулять в парке, наверное, чудесно, но нет...

Я отправилась в тюрьму.

Меня там никто не ждал и впускать не собирался. Я просила, умоляла и даже требовала, но все было бесполезно.

Когда я отошла и расплакалась, то, видимо, разжалобила охранников.

Оказалось, что к арестованным никого не пускают. Так что дело не во мне.

Я узнала еще много интересного. В частности, следствие было закончено вчера. Некто комиссар Иорданский, мечтав-

ший предать арестованных военно—полевому суду, ничего не добился.

Теперь дело будут рассматривать в Петербурге, и там все решится уже окончательно.

Есть два человека, которые ратуют за освобождение заключенных: это комиссар Костицын и военно-морской прокурор Шабловский, который уехал для завершения дела в Петербург.

Возможно, если я хочу добиться свидания с моим любимым, мне надо будет обратиться к Костицыну, заместителю Иорданского.

Арестованным ничего нельзя передавать.

Их даже не выводят на прогулку.

И что же мне делать в такой обстановке?

И все-таки я провела у тюрьмы еще два часа, в надежде на какое-то чудо. Но его не случилось, и я, совершенно подавленная, вернулась в гостиницу.

Я долго не могла уснуть, думала, как же мне прорваться в тюрьму. Ничего путного в голову так и не пришло...

Я проснулась в полдень, измученная и разбитая. Кое-как позавтракала и отправилась к тюрьме.

Очень неприятный сюрприз: у ворот собралось человек пятнадцать, солдаты и несколько гражданских, они кричали, улюлюкали и даже грозились «перевешать всех».

Теперь ясно, почему арестованных не выводят погулять во двор.

Охрана не делала ничего, чтобы разогнать людей и, казалось, была солидарна с ними.

Итак, все было еще хуже, чем я думала...

Одна надежда на Петроградскую комиссию. Но что она решит? Если там будет Керенский, то дело плохо.

Я опять караулила у тюрьмы. Утомительное занятие. Сидишь на выступе и смотришь во внутренний дворик.

Солдаты, несшие охрану, допытывались у меня, к кому я приехала. Я сообщила, что я родственница одного из генералов, но мне не очень то поверили.

«Невеста», – заключили они. Жены вроде как не такие самоотверженные.

Невеста... Смешно...

Мне, наверное, никогда не стать невестой того, кого я люблю. Ведь у него уже есть жена, которая, правда, как я не проводила часы у тюрьмы. Так что еще посмотрим, кто выиграет!

Меня «порадовали» еще кое-чем. Шабловскому предстоит убедить в невиновности генералов военный отдел Центрального Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Этот орган был враждебно настроен по отношению к офицерам. Какой же он может вынести приговор генералам, пытавшимся помешать такой долгожданной революции?

Это было очевидно, но я отказывалась верить. Шабловский обязательно убедительно расскажет дело генералов

и убедит их в единственно верном и честном решении.

Ведь рассматривался же этот вопрос Комиссией, на которую давили и Иорданский, и Шабловский, но члены ее держались крепко, мужественно и самоотверженно, и не поддались на угрозы Иорданского. Они чудом спасли генералов от военно—полевого суда.

Теперь должно быть так же. Я молилась, чтобы у членов Совета проснулась совесть, и они судили беспристрастно, а не по своим большевицким взглядам.

Прошел еще один день неизвестности и страха. Опять собралась небольшая толпа, и выражалась нелитературным языком.

Но их было не так много, так что я была уверена, что приступом тюрьму они брать не станут.

Тем не менее, от этого зрелища в душе оставался неприятный осадок.

Я не понимала, за что можно так люто ненавидеть?

Создавалось такое ощущение, что арестованные генералы лично били этих солдат или что-нибудь еще над ними творили.

Неужто причина всему – затяжная война? Можно подумать, офицеры сами устраивают войны для своего удовольствия! Жить они без этого не могут!

Прошло четыре дня с моего приезда в Бердичев, а ничего так и не изменилось.

Я проводила все время у ограды тюрьмы, а ночью глотала

слезы в постели.

Проснувшись утром пятого дня, я твердо решила идти к комиссару Костицыну. Я решила просить его о встрече с тем, ради кого я сюда и приехала.

Я отправилась к тюрьме, чтобы узнать от охраны, где мне искать Костицына.

Видно, в этот день удача была на моей стороне, потому что комиссар приехал на машине чуть позже меня.

Я бросилась ему наперерез.

– Владимир Александрович!

– Да? – Костицын приостановился, вопросительно глядя на меня.

– Меня зовут Кристина Глебовна Зорич, и бы хотела встречу с одним из арестованных генералов, – поспешно объяснила я.

– С кем именно? – уточнил комиссар.

– С генералом Маркиным...

– Кем вы ему приходитеесь?

Я итак чувствовала себя неловко, называя заветную фамилию, а тут еще и врать приходилось.

– Двоюродной сестрой... по матери.

Наверное, вид у меня был очень жалкий.

– Теперь я думаю, это будет возможным, – пообещал Костицын.

Но я не обрадовалась. Слово «теперь» резануло по ушам и я прошептала:

– Их казнят?

Костицын подхватил меня под локоть, видимо опасаясь, что я упаду в обморок.

– Нет, что вы! Пришла телеграмма из Петрограда: арестованных перевезти в Быхов и судить вместе с генералом Корнилиным.

Я была так счастлива, что чуть не бросилась Костицыну на шею. Но я была взрослой и воспитанной девушкой, поэтому не могла позволить себе такое поведение.

– О счастье! – воскликнула я в небо и сцепила непослушные руки.

– Где вы остановились, Кристина Глебовна?

Я назвала адрес гостиницы.

– Хорошо, я сообщу вам, когда можно будет устроить встречу. Думаю, это произойдет довольно скоро.

– Большое спасибо, Владимир Александрович, – сердечно поблагодарила я Костицына.

Теперь можно было не дежурить бессмысленно у тюрьмы.

Напевая, я отправилась отдохнуть в гостиницу, купив по дороге два больших пирожных.

Отдохнув, я прогулялась в парке, наслаждаясь зеленью и теплым солнцем.

Больше мне все вокруг не казалось мрачным и отвратительным.

Еще я побывала в церкви, где поблагодарила Бога и оставила небольшое пожертвование.

Засыпая, я улыбалась и думала о «своем» генерале Маркине.

Я завтракала, когда пришел посланец от Костицына. Я бросилась приводить себя в порядок, ибо мне предстояла встреча с любимым. Взбила локоны и слегка подкрасила губы. Улыбнулась отражению. Вроде хороша...

Мы не виделись с ним полгода. Боже, как долго!

Надеюсь, что с того времени я похорошела, а не наоборот...

К сожалению, все затянулось. Проехали к Костицыну, он был занят, пришлось ждать. Мне хотелось ворваться в кабинет и оторвать комиссара от его чертовых важных дел!

Наконец Владимир Александрович появился и извинился за задержку.

– Едем? – нетерпеливо спросила я.

– Да.

Мы приехали к тюрьме. Наконец-то я прошла ворота, которые я так долго гипнотизировала взглядом.

Внезапно мы остановились, не дойдя до здания тюрьмы.

– Все, Кристина Глебовна, пришли.

– Что? – переспросила я, ничего не понимая.

Костицын указал вправо. Я недовольно посмотрела туда, и тут мое сердце забилося как сумасшедшее.

Вдалеке, около забора, стоял, засунув руки в карманы, мой любимый.

По моему лицу расплзлась глупая улыбка, но мне было

все равно.

Я пошла к нему. Вернее, я думала, что спокойно дойду. Но не тут то было.

Я бросилась бежать, он – тоже.

Расстояние сократилось мгновенно. Я взвизгнула от радости и бросилась ему на шею. Маркин засмеялся и крепко прижал меня к себе.

Мы оба смеялись, как ненормальные.

Наконец Маркин поцеловал меня в макушку и сказал:

– Знал бы, что вы будете так рады меня видеть, ел бы побольше каши. А так вы, Кристина Глебовна, чуть меня не повалили.

Я отступила на шаг и нарочито оглядела любимого:

– И правда, Сергей Леонидович, вы такой хилый...

Мы снова засмеялись. С Сергеем Леонидовичем всегда так – серьезным он бывает крайне редко.

Скамеек в поле зрения не наблюдалось, поэтому нам пришлось беседовать стоя.

– За что же вы здесь, Сергей Леонидович? – с любовью рассматривая такое родное лицо, спросила я. Темноволосый, темноглазый, с щегольскими усами и французской бородкой.

И, кажется, он действительно похудел.

Сергей Леонидович пожал плечами.

– Всего лишь написал Керенскому, что он идиот. Не знал, что он страдает болезненным самолюбием, – подмигнул мне

любимый.

– Как все просто, – улыбнулась я. – Значит вы не мечтали захватить власть и стать тираном?

– У меня более скромные мечты, Кристина Глебовна.

– Например, какие?

– Да хотя бы нормальная еда. Мне ночью снятся запеченные бараньи ноги.

Давно я так не смеялась. Сергей Леонидович шутил так много, что улыбка, казалось, намертво приросла к моему лицу.

Как может человек сидеть в тюрьме и оставаться таким жизнерадостным?

Возможно, он просто не хотел рассказывать мне про жизнь в тюрьме, но мне было очень важно это знать.

– А кто вас арестовал? – наконец решилась я.

Мы гуляли по кругу, и Сергей Леонидович держал меня под руку. Пространство было ограничено, поэтому мы прошли по одному маршруту, наверное, миллион раз.

– Солдаты. Но как все было организовано! Нарядные солдаты машут флагами и громогласно кричат. Нас: Антона Ивановича, меня и Орлова, настоятельно провожают к машине. Едем в сопровождении эскорта из двух бронемашин. Сюда приехали – встречают человек тысяча, не меньше. Приветствуют!

– Слышала я, как они приветствуют! Смерти они вашей желают! – разозлилась я, вспомнив брань революционной

толпы. – Они ведь могли устроить самосуд!

– Чему быть, того не миновать, – улыбнулся Маркин, и у меня отлегло от сердца.

– А кто вас обслуживает? Кто охраняет внутри?

– Юнкера. Добрые ребята. Смотрят вот, как у нас офицеров уважают. А помогают нам два пленных австрийца и еще русский стрелок старой закалки. Хороший человек.

Я покачала головой.

– Вас послушать, так и в тюрьме отличная жизнь.

– А чего унывать, Кристина Глебовна? Только здоровье себе портить.

Я улыбнулась, и затем оказалась в объятиях Маркина. Было так приятно и спокойно находиться рядом с ним, что я бы **пошла за ним даже в камеру. Все равно где, главное, чтобы с ним.**

Неожиданно раздался громкий голос:

– Господин генерал, свидание окончено, следуйте на ужин.

– Сейчас! – откликнулся Сергей Леонидович.

Он все еще держал меня за талию, и мы смотрели друг другу прямо в глаза.

Такой момент... Мне казалось, я перестала дышать. Сейчас, да, сейчас, он меня поцелует. Впервые... определенно сейчас...

Но Маркин лишь наклонился и прижался губами к моей руке.

Наверное, мое разочарование ярко отразилось на моем лице, потому что Сергей Леонидович спросил:

– Что-то не так?

– Нет, ничего, – я заставила себя кое-как улыбнуться.

– Господин генерал! – снова окликнули Маркина с крыльца тюрьмы.

– А почему он называет вас не «Ваше Превосходительство»? – удивилась я.

Мы шли по направлению к тюрьме. **Так не хотелось отпускать его туда...**

– Вы разве не слышали про приказ №1, Кристина Глебовна?

Честно, я про него не слышала, но признаваться было стыдно, поэтому я промямлила что-то невразумительное.

Маркин ухмыльнулся, но ответил:

– Этот приказ уравнивает офицеров и солдат. К солдатам теперь обращаемся на «вы», а они к нам «господин» и звание.

– Как так можно! – возмутилась я. – Уравнять офицеров и этих грубых, неотесанных солдат!

Маркин засмеялся и слегка сжал мне руку.

– Как по мне, Кристина Глебовна, так «господин генерал» звучит лучше «вашего сиятельства». И к тому же, никто не забудет, какое у меня звание.

Смеясь, мы дошли до тюрьмы.

– Надеюсь завтра увидеть вас снова, Кристина Глебовна.

– Всенепременно, Сергей Леонидович.

Я отправилась в гостиницу. Посмотрев на часы, я поняла, что мы с Сергеем Леонидовичем провели вместе почти пять часов. И как же быстро и незаметно они пролетели!

Шестнадцатое сентября определенно можно включить в один из счастливейших дней.

На следующее утро на извозчике я отправилась к Костицыну. Я опять собиралась просить его о свидании. Надеюсь, он не сочтет меня слишком навязчивой.

Я передала свою просьбу, и Костицын скоро принял меня. Оказалось, он уже предупредил охрану, что я буду появляться каждый день.

Как же чудесно!

Вспомнив, что Сергей Леонидович говорил про еду, я купила в магазине ветчину. Это, конечно, не барашек, но тоже мясо.

Маркин уже был на месте.

– Сергей Леонидович!

– Кристина Глебовна, опаздываете. Скучно здесь одному стоять. Даже поклонников у забора нет.

– Простите, – я извинилась, но на лице все равно сияла улыбка.

Маркин заключил меня в объятия и прошептал на ухо:

– Вы такая красавица, Кристина Глебовна.

Меня обдало волной жара от его признания. Раньше Сергей Леонидович мне ничего подобного не говорил. За ком-

плимент можно было считать разве что «маленькая Кристина Глебовна».

Я совершенно растерялась и не знала, что ответить. Ничего остроумного в голову не пришло, поэтому я протянула:

– Есть немного.

Маркин захохотал, я за ним.

Потом я спохватилась:

– Ой, я же принесла вам вкусенького!

Я достала из сумки целый окорок ветчины. И тут же поняла, что не подумала о ноже.

Пришлось объяснять мою оплошность.

– Не беда! Забуду на минуту про правила хорошего тона, – весело сказал Сергей Леонидович, и принялся откусывать ветчину прямо так.

Уверена, ради того, чтобы только не огорчать меня.

Я смеялась, глядя на Маркина. Он выглядел презабавно.

Мы опять гуляли тем же маршрутом и весело разговаривали.

С ним было так легко общаться. Всегда находились общие темы для разговоров. Или же Сергей Леонидович попросту смешил меня разными историями. Например:

– В одна тысяча девятьсот десятом году послали меня фотографировать немецкие военные объекты. Тайно, разумеется. Но немцы меня раскусили и устроили за мной за мной погоню. Бегу я и думаю: «Где же спрятаться?» Ну ничего подходящего! И тут смотрю – солдатская выгребная яма. Ну де-

лать то нечего – нырк туда. И сидел там несколько часов, пока немцам бегать не надоело.

Я смеялась от души. К сожалению, у меня таких интересных историй не было, поэтому приходилось только слушать.

Или:

– Преподавал я в Павловском военном училище тактику. Юнкера – страшные лентяи. Ничего толком не знают, отвечают кое-как. А тут итоговая аттестация. Ну я и устроил ее немного по другой программе. Все получили по нулю или единице. Так эти мальчишки решили мне отомстить.

– Как? Как? – нетерпеливо спрашиваю я, смеясь и дергая Сергея Леонидовича за рукав.

– Заказали мне гроб, – весело отвечает Маркин и обнимает меня за плечи.

Я выворачиваюсь и забегаю вперед, чтобы видеть его лицо.

Мне так хорошо... Так хорошо мне никогда не было...

– И что же вы сделали с таким необычным подарком?

– Прибил полки и использовал как шкаф. У меня было полным- полно книг. Читать надо много! – Маркин щелкнул меня по носу и рассмеялся. Затем он увидел кого-то и пома- хал рукой.

– Антон Иванович, идите к нам! – позвал он того человека.

Деникин, поняла я. Антон Иванович Деникин.

Он не спеша подошел к нам. Среднего роста, коренастый,

чуть полноватый. И что удивительно: борода седая, а усы черные! Никогда такого не видела.

Мужчины сердечно поздоровались, а затем Маркин представил меня:

– А это самоотверженная Кристина Глебовна, поменявшая столичный Петроград на провинциальный Бердичев.

Гуляли втроем, Антон Иванович мне очень понравился. Спокойный, неторопливый, в нем чувствовалась какая-то небывалая мудрость. Он говорил мало, но всегда очень метко и запоминающееся.

Позже к нам присоединился еще и Иван Георгиевич Эрдели: высокий, статный мужчина с громким голосом.

На следующий день на прогулку вышли уже все арестованные. Меня немного напрягало, что мы с Сергеем Леонидовичем мало времени проводим наедине, но я понимала, насколько одиноко этим людям, поэтому ничего не говорила Маркину и не возмущалась, а старалась быть веселой и непринужденной со всеми.

По-моему, у меня это неплохо получалось.

Прошло еще пять безоблачных дней. Я ежедневно посещала тюрьму и виделась с Сергеем Леонидовичем.

Теперь я приезжала утром, и, таким образом, мы проводили вместе почти целый день.

Но нам и этого было мало. Расставаться становилось все сложнее.

Если раньше я могла думать, что Сергей Леонидович ис-

пытывает ко мне исключительно дружеское чувство, но теперь я точно была уверена, что он влюблен.

Ну или что я ему хотя бы сильно нравлюсь.

Он постоянно ловил мой взгляд, брал меня за руку, обнимал.

Маркин стремился прижимать меня к себе, прикасаться.

Когда он целовал мою руку, а потом медленно поднимал голову, и встречался со мной взглядом, я переставала что-либо соображать. Состояние... как будто я под гипнозом.

Я миллион раз представляла, как Сергей Леонидович целует меня. Один вариант был красочнее другого. Только вот в действительности этого не происходило...

Маркин продолжал держать меня на дистанции и даже не сделал ни единого намека, что когда-нибудь это изменится.

По этому поводу у меня сложились две версии: либо он боится оскорбить меня, либо все еще любит свою жену.

Я много думала про Марину Павловну Маркину. Представляла ее себе. Конечно же, выставляла ее в дурном свете.

Я мучила себя, представляя счастливые семейные сцены Сергея Леонидовича, его жены и их двоих детей.

Вконец измученная своими мыслями, я тем не менее не решалась поговорить с Маркиным.

Мне было страшно, что его прямой и откровенный ответ разрушит мой и без того хрупкий внутренний мир иллюзий и воображений.

Поэтому я хотела поговорить с Антоном Ивановичем. Он – друг Сергея Леонидовича, и кроме того, рассудительный и понимающий человек.

Только вот как поговорить наедине с Деникиным, если я все время провожу с Маркиным?

Пока я ломала голову над этим, случилось очень нехорошее событие.

В тюрьму приехал комиссар Юго-Западного фронта Иорданский.

Арестованные говорили про него, что он большевик и революционер. Он добивался военно-революционного суда над генералами. То есть их казни, стремясь выслужиться перед Советами.

И с этим человеком я умудрилась столкнуться, покидая тюрьму.

Иорданский нагрубил мне. Я вообще не думала, что с девушкой благородного происхождения можно так себя вести.

Мне очень хотелось сказать ему что-нибудь очень едкое в ответ, но я сдержалась, зная, что он наверняка идет к арестованным. Не хочу, чтобы Иорданский сорвал на них свою злость. Сергей Леонидович молчать не станет, и у него могут возникнуть проблемы.

В номере я пересчитала свои деньги. Осталось совсем мало. Скоро генералов перевезут в Быхов, поэтому я отложила денег на проезд.

Если отъезд не случится в ближайшие дни, мне, похоже,

придется продавать вещи. Как унижительно!

Проснувшись утром, я поняла, как все ужасно.

Иорданский сказал, что меня больше не пропустят в тюрьму. А что, если Сергея Леонидовича тоже не отпустят на прогулку?

Как мы тогда будем видеться?

Я все-таки пришла к тюрьме. Внутрь меня, разумеется, не пропустили. Зато Сергей Леонидович уже был на площадке.

Я подошла к решетке и окликнула его.

– Сергей Леонидович!

Маркин подошел ко мне и улыбнулся:

– Здравствуйте, Кристина Глебовна. Ну как вам быть за решеткой?

– Хорошо, если вы рядом, – неожиданно озвучила я свою мысль, и сама испугалась своих слов.

Сейчас Сергей Леонидович переведет все в шутку, или нам станет неловко...

Но все произошло иначе. Маркин соединил наши руки и серьезно сказал:

– Я люблю вас, Кристина Глебовна. С той нашей первой встречи, помните? Я был трусом, что не признался вам раньше. Но я боялся, Кристина Глебовна, я боялся, что спугну вас своей откровенностью. Я хотел сначала убедиться, что любим вами.

– Сергей Леонидович, – только и смогла выговорить я,

а потом из глаз потекли слезы. Слезы счастья. Я смеялась и плакала одновременно.

Наверное, это было похоже на истерику, но мне было все равно. Я видела перед собой самого любимого и дорогого мне человека, который только что открыл мне свои чувства.

Теперь уже ничто нас не разлучит. Я отправлюсь за Сергеем Леонидовичем куда угодно, даже в ссылку, изгнание или тюрьму.

Я буду как жена декабриста – преданная, нежная и самоотверженная.

Но вот только Сергей Леонидович думал иначе.

– Я очень волнуюсь за вас, Кристина Глебовна. В Быхове нас ждет только одно – расстрел. И я не хочу, чтобы вы были там, чтобы вы калечили свою душу. Уезжайте к родным во Францию, и тогда я буду за вас спокоен.

Я не могла поверить, что он действительно сказал это. Просит меня уехать, оставить его после признания в любви!

– Нет, – решительно ответила я, заставляя не дрожать губы. – И вы меня не остановите, Сергей Леонидович.

Маркин опустил голову и ничего не сказал.

Затем посмотрел на меня и грустно улыбнулся:

– Я эгоист, Кристина Глебовна. Я должен приказать вам уехать, но я так не хочу вас отпускать. Простите меня.

– Я люблю вас, и никогда вас не оставлю, – хриплым от слез голосом выговорила я.

– Спасибо, Кристина Глебовна.

Сергей Леонидович был определенно подавлен и расстроен. С одной стороны, он хотел, чтобы я была рядом, а с другой – боялся за меня, считая, что несет за меня ответственность.

Он должен был оттолкнуть меня, но не смог. Поэтому и злился на себя.

Боже, ну почему все так сложно?

Послезавтра в пять часов вечера арестованных «проводят» на вокзал, где они на поезде отправятся в Быхов. Я тоже поеду туда, и буду в Быхове до тех пор, пока... Нет, не хочу об этом думать!

На следующий день я заплатила за номер, и поняла, что мне все-таки придется что-то продать. Тем более похолодало, а у меня не было ничего теплого.

Боже, какая я была глупая! Взяла так мало денег, но много безделушек и платьев!

Мои нарядные платья мне было жалко, поэтому я решила продать золотые часы.

Мне было ужасно неловко спрашивать, где я могу найти скупщика. А еще ужаснее я себя почувствовала, предлагая ему свой «товар».

Но вот: часы проданы, и теперь я при деньгах. Хотя бы на какое-то время. Теперь я знаю цену деньгам, а раньше даже не знала, что сколько стоит.

Наверное, я вырасту. Меньше чем через месяц мне уже исполнится восемнадцать лет. Надеюсь, к тому времени Сер-

гея Леонидовича отпустят, и мы сможем как следует это отпраздновать.

Я купила билет на восемь вечера. Специально подгадала так, чтобы ехать с арестованными в одном поезде. Вдруг удастся увидеться лишний раз?

По дороге в гостиницу жутко разболелась голова. Я кое-как добрела до номера и плюхнулась на кровать, прижимая пальцы к вискам.

А я ведь так хотела попасть к Маркину.

Я провалялась так до вечера, проклиная все на свете. Голова просто раскалывалась. Быть может, это мигрень?

Когда мне полегчало, часы прогулки генералов уже закончились. Мне оставалось только бессмысленно смотреть в темноту за окном.

Наступило завтра, а это значит, что сегодня мы навсегда покинем Бердичев, который был не очень то и радушен.

Когда я появилась у тюрьмы, там уже были люди, настроенные крайне недоброжелательно.

Генералы на прогулку не вышли.

Мне не хотелось стоять рядом с этими людьми, поэтому я отошла к дому наискосок и встала там.

Люди все прибывали. Их стало так много, что они заполнили все вокруг. Все шумели и кричали. Несколько человек на импровизированных трибунах возбуждали народ, призывая к самосуду. Какой-то солдат что-то постоянно кричал про Клецандо.

Перед тюрьмой было, наверное, не меньше тысячи безумных, неистовых человек, желающих немедленной расправы. Они не хотели отпускать генералов живыми...

Я молилась, чтобы арестованных не выпустили из тюрьмы.

Толпа растерзает их...

И я ничего не могла поделать. Я лишь отчаянно наблюдаю.

Потом выступили Костицын и еще какие-то люди, но их никто не слушал. Все кричали свое.

Я покинула свой наблюдательный пункт и пробралась поближе. Меня так сдавили, что приходилось упираться руками в спину впереди стоящего, чтобы отвоевать себе хоть кусочек пространства.

Я думала, меня стошнит от запаха пота, давки и оглушающего рева толпы. Но нет, ничего, пока я держалась. И я не уйду, пока не узнаю, что с генералами ничего не случится.

Снова выступающие. Теперь я по отрывкам поняла, о чем они говорят: просят пропустить арестованных на вокзал. С толпы хотели получить слово, что генералов никто не тронет.

Ответом был возмущенный гул и свист. Снова переговоры.

Сколько же сейчас времени?

Наконец, было получено что-то вроде согласия не трогать генералов, но, судя по озлобленным лицам вокруг, все не так

радужно.

А потом по резким крикам стало понятно, что арестованных повели. С моего места ничего не было видно, и я, как безумная, стала пробиваться вперед.

Толпа устремилась за генералами. Они что, решили вести их до самого вокзала?

Какое же это унижение для славных и честных боевых генералов...

Когда я добралась, куда хотела, то поняла, что лучше бы я этого не делала.

Такая брань, такие ругательства!

Раньше я никогда ничего подобного не слышала. Мои братья при мне не выражались.

Темнота, ничего не видно. Со всех сторон рев, ругань и крики. Давка. Я боюсь, что если упаду, то меня просто затопчут.

И лишь изредка луч прожектора с броневика освещает нам дорогу.

Сколько сейчас времени? Где я вообще нахожусь?

Я плохо ориентируюсь в пространстве, а в темноте и тем более.

В восемь отъезд, а мне еще нужно вернуться в гостиницу за чемоданом.

Когда два солдата рядом со мной нагнулись, я не придавала этому значения.

В этот момент луч света оказался направлен как раз в на-

шу сторону. Я оказалась совсем близко от арестованных. Они шли, окруженные юнкерами, которых было так мало!

И тут солдаты, шедшие рядом со мной, метнули камни. Я ошарашено наблюдала, как они летят в сторону генералов и ударяются об кого-то.

Я представила, что их мишенью стал Маркин, и меня затопил неконтролируемый гнев.

Я наклонилась, и тоже попыталась нашарить камень, но ничего не нащупала. Тогда я зачерпнула полную пригоршню грязи (вчера ночью шел дождь) и, распрямившись, собиралась швырнуть ее в солдата слева, когда услышала справа:

– Маркин, голову выше! Шагай бодрей!

Не раздумывая, я изменила траекторию, и пощечину с грязью получил солдат справа.

Я била со всей силы, так, что даже руку прострелило. Но, кажется, носу этого солдата тоже неплохо досталось.

И тут мой триумф резко исчез. Я поняла, что только что натворила. Солдат выругался, и я развернулась назад, но шагавшие сзади невольно подтолкнули меня вперед.

Я оказалась в ловушке по собственной глупости и импульсивности.

Вдруг кто-то резко (и так ясно, кто) схватил меня за волосы и с силой дернул. Я споткнулась, чуть не упав, и голову пронзила дикая боль. Такое ощущение, что с меня содрали скальп.

– Сука! – прошипел обидчик мне в ухо и притянул к себе. Его руки больно сжали мою талию.

Казалось, волосы горели, из глаз лились слезы.

Было такое ощущение, что все это происходит не со мной. Но когда рука солдата поползла ниже, я быстро пришла в себя.

Не глядя, я саданула локтем назад, даже не целясь.

Но, кажется, мой выпад попал в живот, потому что солдат охнул и согнулся.

У меня был только один шанс, и я собиралась им воспользоваться.

Я стала пробиваться сквозь толпу, работая локтями, пинаясь и стараясь не дать толпе утянуть себя назад.

При моем росте сто шестьдесят три сантиметра и хрупком телосложении это вообще было подвигом.

Не понимаю, как я сумела выбраться, но это было так.

Я спешила к гостинице. Заберу чемодан – и на вокзал.

Сколько сейчас времени? Что, если мой поезд уже ушел?

Я бежала так стремительно, что поскользнулась и упала прямо в лужу. Притом почти плашмя.

Удачный день!

Но пришлось подниматься и бежать дальше.

Плащ насквозь промок, но другого у меня не было. Так что не буду привередливой.

В гостинице я вызвала шок своим внешним видом. Но мне было все равно.

Время – семь тридцать три.

В панике жду экипаж. Ничего не едет, а время уходит.

Наконец, один вывернул из-за угла. Торможу. Извозчик подозрительно спрашивает:

– А деньги то есть?

– Есть! – я лихорадочно забираюсь на сидение. – На вокзал! Гоните!

Извозчик мне попался лихой, так что летели мы стрелой.

А вот и мой поезд. Я не опоздала.

До вагона я иду уже спокойным шагом, восстанавливаю дыхание. Даже не помню, когда мне приходилось в последний раз столько бегать и суетиться.

Вокзал был ярко освещен, и я имела возможность увидеть, какая я вся грязная. Платье, плащ, даже руки! Носы ботинок сбиты...

Кто сейчас узнает во мне девушку благородного происхождения?

И пустят ли меня вообще в поезд?

И здесь толпа. Опять злые лица и матные крики. Похоже, жителям Бердичева просто нечем себя занять...

Я пробралась в свое купе и после долгих поисков нашла в чемодане зеркальце. Оказывается, я вся выгляжу неутешительно.

Я спрятала пальто, переменяла платье, умылась и сделала прическу – так намного лучше. Довольная собой, жду отправления.

Где- то в этом поезде, в каком-то купе, едет мой любимый Сергей Леонидович. Одна эта мысль заставляла меня улыбаться.

Но поезд стоял на месте. Я усердно рассматривала потолок и ждала, но через полчаса не выдержала и пошла узнать, в чем дело.

Встреченный мной проводник сообщил, что толпа не пускает поезд из-за генералов. Люди не хотят, что бы они безнаказанно уехали в Быхов.

Я представила, как они стоят на платформе, окруженные молоденькими юнкерами, а солдаты издеваются над генералами, заграждая путь к вагону.

После этого я оставила чемодан без присмотра и побежала на платформу.

Толпа, конечно же, была, но генералы сидели в купе, так что их не было видно. Юнкеры цепью стояли перед вагоном, никого не пуская.

Я заметила Костицына и стала пробираться к нему. Вид у него был несколько помятый и растерянный.

– Владимир Александрович!

В последнее время мне очень часто приходилось маневрировать в толпе. Наверное, скоро это войдет у меня в привычку.

Как все изменилось за каких-то три месяца! Домашней, опекаемой девочке приходится учиться быть самостоятельной. И знаете... мне такая жизнь нравится!

Теперь в ней есть смысл...

– Кристина Глебовна, что вы здесь делаете? – удивился Костицын.

– Еду в Быхов, – просто ответила я. Потом повторила громче из-за выкриков в толпе.

– За Сергеем Леонидовичем?

– Да.

– Вы ведь ему не сестра, Кристина Глебовна?

Я бы могла обидеться на бестактность или соврать, но Владимир Александрович много сделал для меня.

– Я люблю его – вот причина, – ответила я, а затем быстро спросила, – что будет с генералами? Пустят ли поезд?

– Трудно сказать... – замялся Костицын, и тут кто-то в толпе крикнул про арестантский вагон, а затем это подхватили многие и стали скандировать: «Арестантский вагон! Арестантский вагон!»

Сколько же унижений должны пережить генералы, прежде чем смогут уехать? Почему люди такие жестокие?

– Кристина Глебовна, вам лучше уйти, – Костицын взял меня за плечи и легонько подтолкнул в сторону. – Здесь вы ничем не поможете.

Затем он обратился к толпе, призывая к милосердию, но его не слушали и требовали свое.

Пришлось послать за арестантским вагоном.

Я же никуда не ушла, а лишь немного отошла в сторону, чтобы не бросаться Владимиру Александровичу в глаза.

Мое ожидание было вознаграждено, когда на платформу вывели арестованных генералов.

Сергей Леонидович не выглядел напуганным. Он окинул толпу быстрым взглядом, усмехнулся и, обернувшись к Деникину, что-то сказал ему.

Сергей Леонидович не потерял присутствия духа, а я, наоборот, закусила губу, чтобы удержать слезы. Наверное, я чересчур сентиментальна...

Я намеренно отворачивалась, чтобы Маркин меня не увидел. Он не обрадуется, узнав, что я веду себя так неблагоразумно.

Арестантского вагона на станции не оказалось, но успокоиться люди никак не могли. Их ум прекрасно работал над сочинением различных издевательств над не виновными.

Нет арестантского вагона? Не беда! Подавайте товарный вагон!

Он нашелся. Когда его подали, оказалось, что он весь загажен чьим-то пометом, но генералы, не колеблясь, залезли в него. Маркин поддерживал квартирмейстера Орлова, у которого почему-то было разбито лицо.

Я вернулась в свой вагон, и поезд наконец-то тронулся. Было уже десять часов вечера.

Глава 3

На следующий день я уже стояла на вокзале Быхова. Надеюсь, этот город принесет мне больше радостных впечатлений...

Я поселилась в гостинице и отправила письмо в Петербург нашему дворецкому, где просила выслать мне денег. Я надеялась, что задержусь в Быхове достаточно времени, чтобы успеть получить деньги.

К сожалению, для посещения уже было поздно, и мне оставалось только ждать завтра.

Следующим утром я долго приводила себя в порядок и выбирала платье. Я знала, что в Быхове содержатся многие высокопоставленные офицеры и сам бывший Главнокомандующий армии Лавр Георгиевич Корнилин. Я хотела произвести хорошее впечатление на всех, и чтобы Сергей Леонидович гордился мной.

Я распустила волосы, и надела белое платье. Плащ я, правда, так и не выстирала, и он очень выбивался из общей картины, но другого у меня не было.

До тюрьмы пришлось ехать на извозчике. Наверное, мне стоит поискать гостиницу поближе. Лишних денег то у меня нет. Так непривычно и неприятно ощущать себя бедной...

Когда я шла по дорожке к тюрьме, впереди меня вышагивала рыжеволосая девушка. На ней была хорошая, дорогая

одежда, она двигалась решительно, но изящно.

Девушка напомнила мне мою пятиюродную сестру Екатерину Михайловну, ту самую, что сбежала из дома. Но здесь ей делать было нечего.

Но когда эта девушка подошла к воротам и заговорила с каким-то офицером, встав при этом в профиль, сомнений у меня не осталось.

Это была именно Катя.

Я так обрадовалась, что, подхватив платье, поспешила к сестре.

Я на ходу окликнула ее и, когда сестра удивленно повернулась на мой голос, бросилась ей на шею.

Раньше я себе такого бы не позволила, но сейчас я даже не думала об этикете.

– Не может быть, Кристина! Откуда ты здесь? И такая грязная! – Катя беззлобно рассмеялась, указав на мой плащ.

– Путь из Бердичева дождливый.

– Вы приехали из Бердичева? – заинтересованно спросил светловолосый офицер, стоящий рядом с Катей. – Простите, я не знаю вашего...

Тут Катя перебила его:

– Я совсем забыла вас представить. Николай Степанович Тимановский – Кристина Глебовна Зорич, моя дальняя родственница.

– Вы видели там арестованных генералов? Вчера пришлось вызывать врача для Орлова и Деникина.

Было видно, что Тимановский опечален состоянием узников, доставленных из Бердичева.

– Толпа сопровождала их до вагона. В них кидали камни и оскорбляли словами. А затем посадили в грязный товарный вагон вместо обычного, – даже произносить это было неприятно.

Тимановский печально покачал головой.

– Что-то я ничего не понимаю, – сказала Катя. – Что ты делала в Бердичеве? Почему ты теперь в Быхове?

Я открыла рот, собираясь ответить, но сестра перебила меня.

– А где твоя маменька и братья? – подозрительно спросила она. —Почему ты одна?

Я опустила глаза, не зная, как сказать правду при Тимановском. Все-таки он был совершенно посторонним человеком.

Николай Степанович, похоже, понял это, потому что извинился и отошел.

– Мои родные во Франции, а я сбежала от них. И поехала в Бердичев, потому что там находился мой... очень дорогой мне человек, – так легко и просто было сказать Кате мой секрет. И я была уверена, что ей можно доверять. К тому же, она неспроста пришла к тюрьме. Она тоже кого-то навещает.

– Не подумала бы, что ты способна сбежать из дома. Я думала, что ты домашняя девочка.

Я улыбнулась. Все думали, что я ни шагу ни ступлю без

маминого разрешения, а вон как все вышло!

Маменька... Как там моя маменька?

Когда-нибудь, не знаю только когда, я приеду во Францию и извинюсь перед ней. Надеюсь, что она простит меня...

– Так за кем ты поехала?

– Скоро узнаешь, – лукаво улыбнулась я. – Стоит мне попасть в тюрьму, и это станет ясно.

Катя закатила глаза.

– Нет бы сказать по-человечески!

Я была уверена, что сестра не сердится на меня. Иначе бы она прямо бы сказала мне об этом.

– Встречный вопрос, Катя.

Казалось, она придумывает лучший ответ. Пауза длилась недолго, но я поняла – ответ вряд ли будет правдивым.

Стало обидно, учитывая, что я нигде не слукавила.

– Я навещаю друга моего отца. Только и всего.

– Да, конечно, – кивнула я, несколько не убежденная. Все равно узнаю, что к чему.

Тимановский оказался начальником охраны, он командовал Георгиевской ротой, которая несла внешнюю охрану тюрьмы, поэтому пройти на территорию оказалось легче легкого.

Но когда за нами со скрипом закрылись тяжелые железные ворота, стало как то неуютно.

Мрачное двухэтажное здание, узкие окна с толстыми решетками. Внутри тюрьмы было не лучше.

Не понимаю, как здесь можно не сойти с ума.

Поднимаясь по темной лестнице, я держалась за Катину руку, потому что мало что видела, и не хотела упасть.

– Здесь как то страшновато, – призналась я сестре.

– Будь мужественной, Кристина! Представь, они находятся здесь постоянно!

Я кивнула, немного пристыженная. Действительно, веду себя как избалованная девица.

Внутри тюрьмы тоже была охрана, но люди были совсем другие. По ним было видно, что это какие-то горцы. И они не внушали доверия.

– Кто они? – шепотом спросила я у Кати.

– Текинцы. Они лично преданы Лавру Георгиевичу.

– Выглядят устрашающе...

– Зато текинцы очень надежны. Можно не беспокоиться о безопасности.

– Это хорошо. Надеюсь, Бердичевское преследование не повторится.

Наконец мы вошли в большую комнату, где было много народу. Я растерялась, увидев незнакомые лица. Кажется, я даже не поздоровалась.

Маркин стоял спиной ко мне, наклонившись над чем-то у стола. Рядом с ним был Орлов.

– Это Кристина Глебовна Зорич, прошу любить и жаловать, – представила меня Катя, жестом приглашая войти, а не стоять у порога.

Сергей Леонидович, похоже, услышал Катины слова, потому что резко обернулся и швырнул в сторону карты. Было ясно теперь, чем он был так занят.

Маркин пересек комнату в три шага и стиснул меня в объятиях. Хотя Сергей Леонидович казался худым, но силы в нем было достаточно.

Я уткнулась лицом ему в плечо, потому что Маркин был выше меня сантиметров на пятнадцать. Не знаю, хорошо ли мы смотрелись вместе...

Наконец, Маркин отпустил меня, и мы оказались лицом к лицу с собравшимися в комнате. Многие, кажется, были удивлены.

Я смутилась, но Сергей Леонидович поймал мою руку, когда я пыталась шагнуть назад, чтобы спрятаться за любимого.

Но Сергей Леонидович был не из робкого десятка. Он не стал оправдываться или поспешно возвращаться в свой угол, а весело сказал всем присутствующим:

– Не завидуйте! И всем присутствующим теперь должно быть ясно, что Кристина Глебовна – моя.

Сергей Леонидович согнал с кровати какого-то офицера и посадил меня. Сам он устроился на чемодане у моих ног.

Мы стали центром всеобщего внимания на какое-то время, а потом разговоры потекли в обычном направлении: то есть о политике.

Я молчала и только слушала, потому что сказать мне в об-

щем-то было нечего. Катя тоже особо не говорила. Похоже, она скучала. Еще моя сестра часто смотрела на дверь, словно надеясь, что в комнату кто-то войдет.

Наступило время обеда, и пора было уходить. Нас здесь никто кормить не станет.

Кроме нас с Катей, были жены Романовского и Лукомского, и невеста Деникина.

Все это позже объяснит мне сестра, когда мы будем сидеть в кафе.

– Они держатся как-то обособленно, – заметила я.

– Еще бы! Они – жены, а мы – потенциальные любовницы, понимаешь? Какая между нами может быть дружба? – Катя говорила горячо и убедительно.

Я была рада, что случай свел нас. Сестра была для меня кем-то вроде кумира, да и вдвоем намного легче и веселее. Я озвучила ей свои мысли. Катя ответила, смеясь:

– Нам бы еще одну любовницу, чтобы силы были равны.

– Теперь ты знаешь, кого люблю я. А как насчет тебя?

– А какие есть догадки? – лукаво улыбнулась Катя.

– Его не было среди присутствующих, потому что ты часто смотрела на дверь. Ты говорила мне про Корнилина. А ведь именно его и не было. Полагаю, ты испытываешь к нему не только отеческие чувства, – я была горда выстроенной мной логической цепочкой.

– Права ты, права, – засмеялась Катя.

И сестра рассказала мне свою историю любви к Корнили-

ну, попытки привлечь его внимание, побег из дома, работу сестрой милосердия. Все это, чтобы быть рядом с Лавром Георгиевичем.

А сейчас генерал болен и никого не принимает. Возможно, он даже не так сильно болен, просто не хочет видиться с Катей.

После обеда мы снова вернулись в тюрьму.

Такой распорядок вскоре станет для меня нормой.

Я переехала в гостиницу, где жила Катя, и теперь все вечера мы проводили вместе. Мы часто обсуждали наших возлюбленных, потому что больше ни с кем не могли о них поговорить.

Меня тревожило то, что наши отношения с Сергеем Леонидовичем совсем не продвигались вперед. Я имею в виду, что он даже ни разу не поцеловал меня. Я понимаю, что обстановка малоромантическая, но все же...

Наедине мы общались только на прогулке, обычно два раза в день.

Иногда Маркин гулял даже не со мной, а со своими друзьями – Деникиным и Романовским.

Такая была у меня ситуация, которая стала казаться безвыходной.

Зато я познакомилась с Корнилиным.

Вообще он оказался полной противоположностью тому, как я его представляла: чуть выше меня, некрепкого телосложения и с немного монгольским типом лица. Но генералы

его очень уважали и вставали, когда Корнилин входил в комнату.

В жизни он был абсолютно не высокомерным, веселым и остроумным собеседником. В нем было какое-то обаяние, которое кружило всем головы, даже включая меня.

И они красиво смотрелись вместе с Катей.

Двадцать второго октября мне исполнилось восемнадцать лет. И впервые я отмечала день рождения в такой большой компании. Впрочем, я уже ко всем привыкла за этот месяц, и не чувствовала себя неуютно.

Катя купила водку (хотя я была против), чтобы «мужчины могли достойно отметить». И она надеялась спить Корнилина, чтобы он стал раскованнее. Возможно, и с Маркиным это сработает?

Да-да, это нечестно, ну и пусть!

Я была именинницей, поэтому решила использовать свое преимущество.

Я отозвала Маркина из комнаты и увела его в самый дальний угол.

– Игруем в прятки? – с улыбкой спросил Сергей Леонидович.

Я забралась в самый угол, почти прижавшись спиной к шершавой стене. Маркин стоял совсем рядом, только руку протяни...

Я так и сделала. Притянула его к себе, а затем прошептала:
– Поцелуй меня...

Я не была уверена, что у меня получится. Но я ошиблась.

Маркин наклонил голову и легонько поцеловал меня, а затем отстранился и посмотрел мне в глаза. Полагал, что я передумаю?

Вместо ответа я сама потянулась к нему, и тут случился наш первый поцелуй. А потом еще. И еще.

Это было так волшебно и прекрасно. Такое чувство, что между мной и Сергеем Леонидовичем возникла тесная связь...

Закрываешь глаза, чувствуешь его губы – и, кажется, что ты не здесь.

Или что вас только двое во всем этом мире...

А затем он сказал совсем не то, что я хотела услышать:

– Что же ты делаешь...

Я потянулась вверх и сомкнула руки на его шее:

– Просто люблю тебя...

Я смотрела на него снизу вверх, и мои глаза неожиданно начали наполняться слезами. В носу защипало.

Тогда Сергей Леонидович со вздохом прижал меня к себе. Я уткнулась лицом ему в плечо. Так мы и стояли, пока в коридор не вышел кто-то из захмелевших офицеров.

С этого дня прошел почти месяц. Наши отношения с Сергеем Леонидовичем стали еще лучше, крепче... ближе. Мы проводили с любимым почти все дни вместе, уединяясь даже среди шумных офицеров. Но мне и этого было мало.

Я думала о Сергее Леонидовиче постоянно. Когда шла

из тюрьмы, в гостинице, когда ложилась спать... даже разговаривая с Катей.

Это было как наваждение. Я вспоминала наши встречи, разговоры, поцелуи... особенно их. Они были нечастыми, потому что вокруг нас было много народу, или это были поцелуи украдкой, когда вроде никто не смотрит. Было в этом что-то детское, но это так будоражило...

А потом начались тревожные дни. Так как власть перешла к большевикам, генералы не надеялись на лучшее. Я видела, что вера убывает даже в моем таком жизнерадостном Маркине.

Это было тяжело время. Ничего толком неизвестно. Какие-то слухи, обрывки разговоров...

Я много молилась и просила Бога помиловать невиновных арестованных.

Большую помощь в это время оказывал адъютант Корнилина Хан Хаджиев, который сновал между Главнокомандующим Духониным и тюрьмой.

Духонин не говорил ничего определенного.

Не получил ли он приказ расстрелять быховцев? Или их так и будут держать в заключении?

А потом стало известно, что в Могилев отправлен новый Главнокомандующий – большевик Крыленко.

Не понимаю, как при такой новости я не упала в обморок. Но вот истерика у меня была. Да еще какая!

Катя насилу меня успокоила. Маркин не хотел сообщать

мне такую информацию.

Я в исступлении умоляла Катю ехать к Духонину. Она же ответила, что женские слезы там не помогут. Вопрос стоит о жизни самого пока еще Главнокомандующего.

Она осталась ночевать у меня в номере, видно опасаясь, как бы я не убежала. На самом деле я так и планировала сделать, но потом как – то незаметно заснула.

Когда на следующий день мы пришли в тюрьму, арестованные уже спешно собирали вещи. Оказалось, что Духонин подписал приказ об освобождении.

Это был такой невероятный поворот!

Пока Сергей Леонидович собирал свои немногочисленные вещи и приводил комнату в порядок, я строила радужные планы на будущее.

Когда любимый начал улыбаться во весь рот, я возмутилась, но он сказал, что вовсе не надо мной смеется, а просто рад наконец покинуть тюрьму.

Ну как я могла ему не поверить?

Наконец – то вокзал. Наконец – то мы покинем этот мерзкий городишко!

Но действительность оказалась не так прекрасна. Арестованных, текинцев и георгиевцев четыре часа продержали в вагонах, а затем, ничего не объясняя, снова отправили в тюрьму. По лицам генералов было видно, что теперь они ждут худшего.

Мне очень хотелось заплакать. Глупо, но слезы помогали

мне справиться с проблемой.

Тем более Катя уехала по моему совету. Теперь я осталась одна против «клуба жен». Но они вели себя уравновешенно и с достоинством, поэтому я решила не расстраивать Маркина. Вдруг сегодня наша последняя встреча...

С вокзала мы с ним шли под руку. Маркин был даже оживленнее и веселее, чем обычно. Он рассказывал анекдоты, смешные истории из жизни и давал едкие характеристики некоторым большевикам.

Разговаривая, он поворачивал голову, чтобы видеть мое лицо, а я, к моему стыду, наоборот старалась избежать его взгляда.

Я боялась, боялась увидев его лицо, такое родное и дорогое, просто сойти с ума от горя или, упав на колени, умолять его бежать, пока не поздно.

В общем, я боялась не совладать с собой.

Я почти не слушала Сергея Леонидовича, лишь кивая или говоря: «Да», «Да, конечно». Мои мысли были заняты другим. Я боялась, и хотела этого одновременно...

Но как сказать такое Маркину?

Когда мы взошли на крыльцо тюрьмы, и любимый оказался напротив меня, я взяла его за руку и сжала ее.

– Ты дрожишь, – заметил он и увлек меня вглубь, под козырек. – Так холодно, ступай в гостиницу..

Но я остановила Маркина, прижав пальчик к его губам. Он остановился, а потом нежно поцеловал мой дрогнувший

пальчик.

– Я хочу стать твоей, – выпалила я на одном дыхании. Эти слова я готовила всю «прогулку». Но мне показалось, что сейчас это прозвучало дико... и смешно.

Но Сергей Леонидович не улыбнулся.

По его лицу вообще ничего невозможно было прочесть.

Я выдохнула, почувствовав себя крайне глупо.

И тут наконец Сергей Леонидович ответил:

– Ты понимаешь, что говоришь? – он поднял мое лицо за подбородок и поглядел мне прямо в глаза так внимательно, что, казалось, проник в самую мою душу.

– Я хочу провести эту ночь с тобой, – прошептала я, нервно проводя ладонями по его лицу. – Быть может..., – я не смогла договорить.

– Со мной все будет хорошо, – неожиданно пообещал Маркин.

Я отрицательно покачала головой.

– Вас всех вернули обратно не для того, чтобы наградить, – горько сказала я.

– Кто знает, что на уме у Духонина? – небрежно пожал плечами Сергей Леонидович.

– Он будет спасать только свою жизнь, – возразила я. – Неужели не ясно?

– Духонин – честный человек, – отрезал мой любимый. – А я обещаю тебе, что мы еще встретимся.

Маркин наклонился и прижался губами к моей щеке.

– Ты веришь мне?

– Да, – прошептала я ему на ухо и, потянув его на себя, поцеловала в мягкие усы.

– Мы еще увидимся. Обещаю.

После прощания с Сергеем Леонидовичем я еще какое—то время просто стояла на крыльце. Возможно, мое помутненное состояние продолжалось бы еще долго, если бы не неожиданная помощь от «клуба жен». Они предложили провести вечер с ними.

Я была очень им благодарна за приглашение, потому что не представляла, как смогу остаться один на один со своими страшными мыслями.

Весь вечер нас развлекала Елена Михайловна Романовская. К несчастью, я не отношусь к тому типу людей, которые могут быть веселы даже в несчастьи.

Наверное, я выглядела настолько потерянной и несчастной, что Ксения Владимировна (невеста Деникина) предложила переночевать вместе у нее в номере. Я с радостью согласилась.

Мы проговорили с ней всю ночь, и говорили очень откровенно. В основном, о своих мужчинах и нашей любви. Я нашла, что у Ксении и Деникина, и Кати и Корнилина много общего в любви, за исключением, пожалуй, только того, что Корнилин упорно скрывает любовь к моей сестре.

Ну конечно же он ее любит!

Ранним утром мы выпили кофе и поспешили к тюрьме.

Шел такой сильный снег с ветром, что мы вынуждены были цепляться друг за друга.

– Почему вы с непокрытой головой, Кристина Глебовна? Простудитесь! – воскликнула Ксения Васильевна, чуть не упав в сугроб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.